

Tatiana Choruzenko

Uniwersytet w Jekaterynburgu

**ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ?
КАК ОТВЕЧАЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА**

Hard to be a God?

– Concerning Tendencies in Modern Russian Fantasy-texts

ABSTRACT: At the beginning of the XXI century in the Russian fantasy texts appeared a new tendency – the authors of the mass literature texts depict various Demigods and creators from a specific point of view. All these “new gods” seem to have one similar feature: they exist not as wise and eternal powers, but like tough and skillful magicians. This article tends to analyze this phenomenon. The author takes into consideration five texts published during the last five years. In this works the modern attitude towards the role of “the gods” is traced. New and important changes in literature are observed: all the heroes of the novels don’t dream to be gods, they get their abilities accidentally, and even if they become super-powerful, it doesn’t change their inner world and their behavior. In the article the difference of gender description of characters is pointed out. The novels are investigated from the stylistic side as well. In the conclusion it is stated that this fixed tendency is very dangerous as it shows the deepest crisis of moral values in the modern Russian society.

KEYWORDS: fantasy, modern russian literature, God, demigod, novel

Хорхе Луи Борхес считал, что в литературе есть четыре основных сюжета¹: оборона крепости, возвращение домой, длительный поиск и самоубийство бога. Все четыре сюжетных хода чрезвычайно ярко проявляются в современной российской фантастике: армии Добра и Зла берут крепости друг друга, героини ищут своих возлюбленных, а усталые маги-путники возвращаются

¹ Х.Л. Борхес, *Коллекция*, Санкт-Петербург 1992, с. 425–427.

домой. Но если первые три истории практически не трансформируются со временем, то четвертая претерпевает разительные изменения.

К. Фрумкин подчеркивает, что

убийство Бога — это устранение помехи для функционирования обычной схемы литературного сюжета. Убийству Бога предшествует явление Бога².

Отметим, что бог периодически становится героем литературных произведений, при этом его могущество всегда оказывалось сниженным, вписанным в литературный сюжет. Постепенно сама фигура бога мельчает, утрачивает свои сакральные черты, что позволяет рассуждать о божественной работе и даже поручать ее людям. Бог становится кем-то вроде сильного мага или идеального человека будущего.

В 1964 году вышла в свет повесть Аркадия и Бориса Стругацких *Трудно быть богом*. Произведение, поставившее вопрос о том, может ли человек заменить бога. Знаменитые фантасты предельно четко сформулировали основной вывод своего произведения уже в заглавии — человеку не под силу изменить историю.

Между тем, за прошедшие полвека в русской фантастике достаточно сильно изменились взгляды на обязанности человека-бога. В последние пять лет массово выходят романы, герои которых становятся богами и демиургами, даже не задумываясь о том, насколько это трудно. Таким образом, в современной русской фантастике возникает опосредованный диалог со Стругацкими. Интересно, что в каждом произведении рефреном будет повторяться мысль о том, что «трудно быть богом», но на поведении героев она никак не сказывается.

Нами проанализировано пять романов, вышедших с 2010 по 2015 годы, в названиях каждого из них упоминается бог или демиург: Татьяна Устименко *Богами не рождаются* (2010), Дмитрий Смекалин *Хорошо быть богом* (2012), Екатерина Казакова *Коммандос из демиургов* (2012), Юлия Фирсанова *Убить демиурга!* (2015), Георгий Лопатин *Божественный уровень* (2015).

Сюжет всех произведений варьируется в рамках одной фабульной линии: землянин, современник Читателя, попадает в обстоятельства, позволяющие ему стать богом. Важно подчеркнуть, что переход из человеческого состояния в божественное никак не сказывается на поведении или психике героев. Более того, божественность воспринимается как некий уровень, что и отражено в заглавии романа Георгия Лопатина.

Авторы подчеркивают, что при трансформации человека в бога изменяются прежде всего его физические возможности, связанные, говоря словами

² К. Фрумкин, *Победа писателей над всемогущим противником*, „Нева” 2013, № 9, с. 208.

М.М. Бахтина, с материально-телесным низом³: герои становятся неутомимы в сексе и испытывают сильное чувство голода (или не испытывают его вообще).

Так, в романе Смекалина *Хорошо быть богом* главный герой – землянин Боня – после операции превращается в бога. Выясняется, что бог производит ману, то есть вещество, на котором работает магия. При этом физиологических потребностей у бога нет, хотя материальная оболочка есть:

[...] поддержание организма в боевой форме осуществляется за счет маны, которой у Бони всегда будет в избытке (сам производит). А вот есть, пить и даже дышать для него теперь необязательно, разве что по привычке и ради получения удовольствия. Равно как и мыться [...]⁴.

Герой Лопатина, став богом, свой физический облик утрачивает, но получает возможность воплощаться через статуи. При этом бог питается маной – энергией, даруемой ему верующими.

Отличительной чертой «мужских» романов о богах является многоженство их героев. У героя Лопатина по мере увеличения его божественной силы добавляются жены, в итоге их становится 21. Герой Смекалина гораздо скромнее – у него две жены. При этом многоженство воспринимается как непрменный атрибут божественности: герои могут «после божественного апгрейда хоть с десятком женщин сексом заниматься»⁵.

В «женских» текстах о богинях на физическом состоянии героинь делается меньший акцент. Главным в их историях становится обретение возлюбленного, вместе с которым героиня становится богом (демиургом) или, наоборот, остается человеком.

Ника, героиня романа Устименко *Богами не рождаются*, отказывается становиться богиней, умирающей после ядерной войны Земли, когда понимает, что цена ее обожествления – одиночество:

Я поняла: итог всего – одиночество. Боги – одиноки. Они сознательно, до капли, до последнего вдоха вымораживают из себя все живое: любовь, нежность, дружбу, милосердие. И это есть цена их совершенства. Они непоколебимо уверены в том, что бог – это нечто глобальное и великое, а на самом деле они превращаются в ничто: ведь совершенство так уязвимо! И только осознав все это я вновь ощутила себя тем, кто, по сути, и является настоящим венцом

³ М.М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*, Москва 1990, с. 26.

⁴ Д. Смекалин, *Хорошо быть богом*, Москва 2012, с. 19.

⁵ Там же, с. 357.

бытия, – я ощутила себя человеком, со всеми присущими ему слабостями и достоинствами⁶.

Это решение, поставившее героиню на грань гибели, впоследствии помогает ей пройти все испытания и остаться человеком.

Иная судьба уготована другой Нике, героине романа Юлии Фирсановой *Убить демиурга*. Эта девушка, талантливая писательница, создает целый мир, в который затем и переселяется жить. В финале романа Ника из демиурга превращается в хранительницу богов:

Прежде она видела мир как бы снаружи, кое-что знала и понимала, что-то оставалось странным и непривычным даже для нее — создательницы. Теперь она чувствовала его, как продолжение себя, но не в ущерб себе. Щедро благословленная силой мира и его правителей, Вероника отныне оставалась собой и могла не сходить с ума от чуждых ощущений. Она не могла влиять на мир в полном смысле этого слова, но чувствуя и постигая, могла поделиться своим знанием и с альсорами [новыми богами этого мира], и с миром⁷.

Примечательно и то, что в «женских» текстах божественное состояние героинь покупается через их временную смерть:

Свет в глазах померк, а веки закрылись сами собой. Небо отторгло меня, словно чужой, опасный, инородный элемент. Предавшей идеи богов нет места в ряду небожителей⁸;

Жизнь вытекала вместе с кровью, но Ника собрала все, что у нее только оставалось, всю силу, желание, любовь, свет души, все-все, что она вкладывала в творение Альрахана, всю свою любовь к миру, родившемуся из мечты, и послала по лучу вперед, оставляя себе лишь боль и отчаяние. Она смогла сделать самое главное – не поделилась с тем, кому желала жизни, смертью⁹.

В результате временной смерти героини изменяют не только себя, но и мир вокруг.

В «мужских» текстах подобной трансформации человека в бога практически нет. У Лопатина герой Кирилл становится богом через «божественную искру», полученную от одной из своих супруг – богини красоты. Впоследствии он сам сможет превратить своих оставшихся жен в богинь. В романе

⁶ Т. Устименко, *Богам не рождаются*, Москва 2010, с. 340.

⁷ Там же, с. 340.

⁸ Там же, с. 341.

⁹ Ю. Фирсанова, *Убить Демиурга!*, Москва 2015, с. 343.

Смекалина главный герой попадает к инопланетянам, которые превращают его в бога с помощью операции. К подобного рода текстам примыкает и произведение Екатерины Казаковой *Коммандос из демиургов*: Даша, ставшая Избранной (аналогом супергероя) на основании контракта, и ее пес просто покупают бессмертие.

Достаточно часто в героях рассматриваемых романов инаковость, позволяющая им стать богинями, заложена изначально.

Ника будто магнит притягивала к себе самые немислимые неприятности и приключения. Умная от природы, обладающая врожденным даром телепата, она совершенно не желала учиться контролировать свои так легко доставшиеся ей качества, превращая их в тяжкую ношу, почти в проклятие. Захочет подогреть воду – получишь гейзер, бросит тебе яблоко – пробьет дыру в переборке. Непоседливый, задиристый ребенок, вечно живущий в душе Ники, упорно боролся с божественной сущностью, навязанной ему против воли¹⁰,

– характеризуется главная героиня в романе Устименко.

Демиург из романа Фирсановой – обычная писательница:

Да какая из меня писательница, – отмахнулась Ника с поразительной беспечностью, без тени смущения или манерно-нарочитой скромности. – Образования филологического нет, всего лишь пыталась и пытаюсь, как умею, записывать истории, лезущие в голову. Вообще-то, сильно удивилась, когда ими в издательстве заинтересовались и контракт предложили¹¹.

В своих романах девушка создает иной мир, куда и переселяется:

Иногда (...) случается, что мечта человека настолько сильна, что обретает форму. Она возникает, накапливая свободную силу, разлитую по мирам. Я вымечтала Альрахан и вас. Он появился, собрался из частиц уже существовавших во Вселенной. Сила мечты сработала, как клей для пазлов, склеила кусочки и отшлифовала. Сотворившись, мир сохранил связь-пуповину, поэтому я и знала про Альрахан, как могла знать Видящая, и мы с миром зависели друг от друга¹²,

– объяснит она свои способности.

¹⁰ Т. Устименко, *Богам...*, с. 156

¹¹ Ю. Фирсанова, *Убить...*, с. 37.

¹² Там же, с. 367.

Инопланетяне говорят Боне из романа Смекалина: «В тебе, кстати, очень много древней крови»¹³. Именно это обстоятельство и позволяет студенту-программисту стать богом.

При этом, традиционно, герой считает себя обычным человеком, подчеркнуто не выделяющимся из толпы: студент-программист Боня возвращается из родительского сада, писательница Ника работает в архиве, редактор Даша отправляется на рыбалку, когда в их жизни наступают серьезные изменения. Герой Лопатина вообще рассказывает о себе так: «Меня зовут Кирилл Мясищев, я самый что ни на есть обыкновенный попаданец»¹⁴.

Итак, божественный уровень, имеющий свои достоинства и недостатки, по мысли фантастов XXI века, вполне достижим для человека. Интересно, что все преобразования новоявленный бог, чаще всего, совершает походя. Случайность – главный фабульный ход всех романов.

Интересным также представляется и следующий момент: герой Стругацких, историк Антон-Румата и его товарищи выше окружающих их людей. Дон Кондор говорит: «Мы здесь боги (...) и должны быть умнее богов из легенд, которых здешний люд творит кое-как по своему образу и подобию»¹⁵. При этом историки понимают опасность стать как их подопечные:

В каждом из нас благородный поденок борется с коммунаром. И все вокруг помогает подонку, а коммунар один-одинешенек – до Земли тысяча лет и тысяча парсеков. – Дон Кондор помолчал, глядя колени. – Вот так-то, Антон, – сказал он твердеющим голосом. – Останемся коммунарами¹⁶.

Исследователь научной фантастики А. Бритиков писал:

Герои Стругацких не могут выйти из игры, ибо взяли на себя ответственность за эту цивилизацию. И как раз поэтому не могут поднять оружие. Они связали себя, как они говорят, Проблемой Бескровного Воздействия на историю. Впрочем, эта формула не передает сложности их задачи: они не уклоняются от борьбы, но сознают, что от оружия зависит лишь малая доля исторического движения¹⁷.

¹³ Д. Смекалин, *Хорошо...*, с. 11.

¹⁴ Г. Лопатин, *Божественный уровень*, Москва 2015, с. 5.

¹⁵ А.Н. Стругацкий, *Трудно быть богом*, [в:] *Собрание сочинений*, т. 3, Санкт-Петербург 2001, с. 276.

¹⁶ А.Н. Стругацкий, *Трудно...*, с. 276.

¹⁷ А.Ф. Бритиков, *Русский советский научно-фантастический роман*, Ленинград 1970, с. 350.

При этом в современной фантастике чужды как высокие нравственные идеалы, так и тот принцип, которым руководствовались герои Стругацких. Едва попав в отсталый мир, герои-боги начинают его преобразовывать. Кирилл, герой романа *Божественный уровень*, создает в так называемых Проклятых землях государство полукровок, куда привозит существ и из других миров. Именно отверженные другими полукровки становятся его первой паствой.

Боня из романа Смекалина оживляет своим присутствием древних магических существ – пикси, горгулий, драконов и единорогов. Кроме того, он возвращает в мир магию.

Более прагматичный пример изменения мира – романы Казаковой. Драконы строят для Дарьи, героини романа Казаковой, в другом мире

двухэтажный дом повышенной комфортабельности, с отоплением, горячей и холодной водой, теплым туалетом и прочими благами цивилизации, включая подвал забитый продуктами и безлимитный выход в Интернет [...]. Работало в этом чуде архитектуры все на магии и в случаях поломки или если мне что-то еще понадобится, Дракон клятвенно заверил что решит все проблемы в течение пяти секунд¹⁸.

Впоследствии она будет оказывать влияние на развитие политики и экономики всего мира. В частности, возведет на трон Темного королевства своего приятеля вампира, а также вынудит правителя эльфов женить младшего брата на человеческой девушке.

Ника в романе Фирсановой в момент своей временной смерти изменяет магическую структуру созданного ею же мира. После отделения Ники от созданного ею же мира демиург начинает испытывать человеческие потребности – например, голод:

Все-таки польза от лишения сана Демиурга есть! Теперь она может по достоинству распробовать вкус пищи (...) Теперь, когда значительная часть ее внимания не была сосредоточена на Альрахане, все выглядело, чувствовалось и ощущалось иначе. Как если бы раньше она смотрела на мир через мутноватое стекло, а нынче его убрали¹⁹.

Румата формулировал свою цель предельно благородно:

¹⁸ Е. Казакова, *Коммандос из демиургов*, Москва 2012, с. 39.

¹⁹ Ю. Фирсанова, *Убить...*, с. 351.

Я пришел сюда любить людей, помочь им разогнуться, увидеть небо. Нет, я плохой разведчик, подумал он с раскаянием. Я никуда не годный историк (...) Разве бог имеет право на какое-нибудь чувство, кроме жалости?²⁰.

Таким образом, главной задачей Руматы и его соратников было способствовать развитию людей. Функции богов у фантастов XXI века мыслятся довольно ограничено: бог может всех спасти или защитить, также бог может использоваться в качестве своеобразной батарейки, творение миров редкость, даже в текстах о демиургах. При этом важно подчеркнуть, что все рассматриваемые произведения восхваляют не столько божественную природу, сколько человеческую.

Ника из романа *Богами не рождаются* сознательно отказывается от божественности в пользу человеческого. Дарья из произведения *Командос из демиургов* считает главным достижением своих подопечных, юных демиургов, то, что они стали людьми:

Обвожу взглядом притихших демиков и твердо добавляю: Вы все стали людьми. И это для меня намного важнее, чем какая-то пыльная тряпка [Ткань Мироздания]²¹.

В итоге молодые демиурги превращаются в спецназ, способный постоять за себя без использования магии.

В романе Смекалина постоянно подчеркивается, что Боня, хоть и бог, но еще очень молод. А едва воплотившийся бог Кирилл из *Божественного уровня* первым делом отправляется к своим женам и детям.

Бог в литературном произведении всегда предстанет в искаженном и, главное, преуменьшенном виде. Литература не может существовать, не подрезая крылья небожителям²².

В современной фантастике крылья у небожителей оказываются не просто подрезанными, а оторванными. В этой связи логично вспомнить рассуждения Рене Генона о трансформации отношения к Богу как одному из следствий кризиса современного мира. Философ подчеркивает:

²⁰ А.Н. Стругацкий, *Трудно...*, с. 344.

²¹ Е. Казакова, *Командос...*, с. 401.

²² К.Фрумкин, *Победа...*, с. 214.

„религиозный опыт” легко сливается с прагматизмом, во имя которого „ограниченный бог” признается наделенным большими преимуществами по сравнению с бесконечным богом, поскольку „ограниченного бога” можно любить так же чувственно, как возвышенного человека²³.

Представленные в рассмотренных романах существа не могут выполнять роль бога по рождению, но тем не менее стремятся к ее воплощению. Само представление о роли бога утрачивает сакральность и становится еще одним пройденным уровнем игры, что, безусловно, свидетельствует о кризисе современного мировосприятия.

Идея о том, что человек – мера всех вещей, играет с фантастами злую шутку. Их боги и демиурги оказываются людьми со сверхспособностями, а не всемогущими существами (каким, по логике, должен быть Бог). Между тем, российские фантасты отвечают на запрос времени. XX век, особенно в культуре гламура, обожествил тело человека. И именно телесные трансформации (изменение физиологических ощущений) и описывают все разбираемые авторы. Таким образом, божественность, прежде всего, – это возможность жить вечно и оставаться вечно молодым (Именно это и приобретает себе «избранная» Дарья из романа Казаковой). Достаточно инфантильная позиция героев, на наш взгляд, свидетельствует об инфантилизации культуры в целом.

Все рассмотренные нами божества отказываются взять ответственность за мир, предпочитая либо отказаться от уготованной роли (Ника из *Богам не рождаются*), либо разделить свои обязанности с другими (с женами) – герои Лопатина и Смекалина. Героиня романа Фирсовой также не берет ответственность за созданный ею мир, она лишь допускает его существование и развитие, но при этом не может контролировать или менять его. Аналогичная ситуация будет и с Лейной, героиней романа Елены Петровой. Молодой демиург создаст Землю, на которой впоследствии родится, но потеряет связь с родной планетой²⁴.

Таким образом, получается, что жизнь бога – это череда приятных моментов, а не постоянная ответственность за всех вверенных существ.

Если говорить о художественных особенностях анализируемых произведений (не затрагивая вопроса об их ужасающем стиле), то достаточно часто в пространстве одного романа соединяются научно-фантастический и фэнтезийный миры, в итоге получается некий техно-магический мир²⁵. Ярчайшими

²³ Р. Генон, *Кризис современного мира*, Москва 2008, с. 73.

²⁴ Е. Петрова, *Стать демиургом*, Москва 2011, с. 188.

²⁵ Т.И. Хоруженко, *Фэнтези на стыке с научной фантастикой: формирование направления стимпанк-фэнтези*, „Вестник Пермского Университета. Российская и зарубежная филология” 2014, № 1(25), с. 161.

примерами такого синтеза являются миры, представленные в романах *Богами не рождаются* и *Хорошо быть богом*.

В романе Устименко представлен мир после техногенной катастрофы, куда после тысячелетнего межгалактического полета возвращается Ника, обожествленная на Земле силами своих учителей. На Земле она обнаруживает культуру, напоминающую ту, что была в семнадцатом столетии. При этом весь ее путь основан на прохождении сложных техногенных ловушек и управлении роботами:

Память услужливо воспроизвела картину со стены усыпальницы: Всадницы сидят на спинах железных червей и держатся за какие-то странные отростки, выступающие из голов роботов (...). Я встала на звено его механического тела, приглядываясь к голове робота (...) На самом темени змея я обнаружила ровное прямоугольное отверстие, куда, по-видимому, и полагалось вставить рычаг управления²⁶.

Противник Ники владеет подлодками и новейшими техническими средствами, оставшимися еще от прежней земной цивилизации:

Теперь я выяснила, что точно представляло собой хваленое укрытие Ордена. Это была наша вспомогательная База с учебными комплексами и лабораториями, большая часть которых оказалась запаролена на код доступа определенного человека. И, видимо, этим человеком являлась именно я. Теперь мне стало понятно, почему Верховный Навигатор не смог активировать все ресурсы Базы, и именно для этой цели я ему и понадобилась²⁷.

В финале романа Ника забирает всех выживших землян на другую планету – Землю-2.

Если в романе Устименко приключения героев начинаются в космосе и заканчиваются в нем же, то в романе Смекалина техническому элементу уделяется меньше внимания. Инопланетяне превращают главного героя в бога посредством операции:

Следующим номером программы оказался шкаф, немного напоминающий стационарный томограф (...) Только вместо стола для пациента перед „тоннелем” аппарата стояла здоровенная ванна, наполненная темно-зеленой жидкостью или даже желе крайне неаппетитного вида. Именно в эту ванну Боню и по-

²⁶ Т. Устименко, *Богами...*, с. 370.

²⁷ Там же, с. 193.

грузили, причем с головой. Парень закрыл глаза и задержал дыхание. Странно, но никакого дискомфорта он при этом не испытывал. По легкой вибрации он догадался, что ванна въехала в „тоннель”. Время словно остановилось²⁸.

Впоследствии герой сбежит от инопланетян и окажется в одном из «Старых миров», где оживит магию. Примечательно, что магия – это правильно написанный алгоритм. Магия складывается из магем. Студент-программист осваивает справочник по магемам, после чего может писать программы и делать артефакты:

Вот он и занялся артефактом воздушного щита, совмещенным с плазменным пистолетом. Программа вышла довольно сложной, но, как ни странно, заработала с первого раза и правильно²⁹.

Таким образом, магия оказывается сродни компьютерной программе.

В соединении условного Средневековья с достижениями прогресса также видится непрямой диалог со Стругацкими. В *Трудно быть богом* земные технологии жителями планеты воспринимались как мистика:

После чудесного спасения на вертолете Арата настоятельно потребовал объяснений. Румата попытался рассказать о себе, он даже показал в ночном небе Солнце – крошечную, едва видную звездочку. Но мятежник понял только одно: проклятые попы правы, за небесной твердью действительно живут боги, всеблагие и всемогущие. И с тех пор каждый разговор с Руматой он сводил к одному: бог, раз уж ты существуешь, дай мне свою силу, ибо это лучшее, что ты можешь сделать³⁰.

В современных текстах чаще всего технологии необходимы для создания магических вещей или преодоления препятствий.

В XXI веке восприятие божественного в фантастике сильно изменилось. Показательны в данном случае даже переключки названий произведений: 1964 год – *Трудно быть богом*, 2011 год – *Хорошо быть богом*. Становление богом обрачивается несложной работой, которая дает больше «бонусов», чем «минусов». При изменении природы человека акцент делается на его физические характеристики, а не на морально-нравственные, что ведет к профанированию «божественного».

²⁸ Д. Смекалин, *Хорошо...*, с. 17.

²⁹ Там же, с. 207.

³⁰ А.Н. Стругацкий, *Трудно...*, с. 411.

Раз за разом фантастический эксперимент по созданию „альтернативного бога” по образу и подобию человека оканчивается неудачей³¹,

– пишет Екатерина Иванова.

Критик подчеркивает, что фантастика сильна постановкой вопросов, а не поиском ответов. Говоря о сюжетах «убийства Бога», а точнее его измельчания, в российской фантастике, можно сделать вывод, что уже не фантасты ставят вопросы, а читателям в пору задуматься, почему некогда всемогущий Бог превратился в многоженца-чародея. Видимо, бог в литературе действительно умер, а свято место пусто не бывает – вот и появляются разнообразные самозванцы.

³¹ Е. Иванова, *В поисках бродячей искры*, „Октябрь” 2011, № 5, с. 163.